

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О ДЕЙСТВИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ В АНТАГНИСТИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЯХ

И. С. Кон

Признание объективного характера законов общественного развития является краеугольным камнем исторического материализма. Марксизм исходит из того, что процесс развития общества, как и природы, носит закономерный характер и подчинен действию объективных, не зависящих от воли людей законов.

Это положение марксизма противостоит субъективно-идеалистическим, волюнтаристским построениям буржуазной социологии, которая отрицает объективную закономерность общественного развития и изображает историю общества как нелепое нагромождение случайностей, как результат «свободного творчества» отдельных выдающихся личностей. Пытаясь оклеветать и подорвать теорию исторического материализма, буржуазные философы и социологи утверждают, что она якобы неминуемо ведет к фатализму и квиетизму, сводит на нет историческую деятельность людей. Либо, говорят они, историю творят объективные законы, и тогда нет места сознательной деятельности людей, либо историю творят люди, и тогда нет места объективным законам. Если вы признаете социализм объективно необходимым, говорил, например, Штаммлер, то зачем вы организуете партию для борьбы за социализм? Ведь если лунное затмение необходимо, то оно и само наступит, и никто не организует партию, чтобы «бороться» за его наступление. Аналогичным образом рассуждают и современные «критики» марксизма. «Методика» этой «критики» весьма примитивна: господа критики начинают с того, что приписывают марксизму собственные измышления — вроде того, что законы делают историю «за нас», — а затем их опровергают. На самом же деле марксизм не имеет ничего общего с фатализмом. Учение о том, что историю делают не люди, а какие-то внешние силы, как бы эти силы ни назывались — богом, судьбой или еще как-нибудь, — является насквозь идеалистическим и неизбежно ведет к мистике и поповщине.

Закон в марксистском понимании — это не рок и не фатум, а лишь отражение наиболее существенных внутренних связей, объективно присущих предметам и явлениям реального мира. Закон не есть нечто внешнее по отношению к общественным отношениям, он внутренне присущ им. Маркс подчеркивал, что закон, выражающий внутреннюю и необходимую связь между двумя явлениями, которые по своей внешней видимости противоречат одно другому, проявляется в общественных отношениях (как, впрочем, и в природе) не в чистом виде, а лишь «как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний»¹. Если законы природы проявляются в действии стихийных сил природы, то законы общественного развития проявляются в деятельности людей. Иначе, как через деятельность людей, никакие законы общественного развития не проявляются и не могут проявляться.

Ленин подчеркивал, что марксизм понимает объективность законов общественного развития не в том смысле, что они существуют независимо от самого человеческого общества, «не в том смысле, чтобы общество сознательных существ, людей, могло существовать и развиваться независимо от существования сознательных существ... а в том смысле, что общественное бытие независимо от общественного сознания людей»². Все общественные отношения, в том числе экономические

¹ К. Маркс. Капитал. Т. III. М. Госполитиздат. 1949, стр. 168.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 311.

отношения, есть не что иное, как результат деятельности людей. Но эта деятельность никогда не охватывается полностью общественным сознанием и противостоит ему как нечто объективное, независимое от этого сознания.

Деятельность людей всегда протекает на основе объективных законов общественного развития, но эти законы могут использоваться людьми по-разному. Когда законы не познаны, они проявляются как слепая, стихийная сила, и люди, действуя на основе этих законов (например, обменивая товары на основе закона стоимости), сами не знают о существовании этих законов и не могут поэтому сознательно использовать их в интересах общества, предотвращать их разрушительное действие. Там же, где законы общественного развития познаны, общество может сознательно использовать их, и тогда творческая роль людей повышается, они становятся сознательными творцами истории, как это имеет место при социализме. Признание объективного характера законов общественного развития есть признание того, что люди не могут действовать вопреки законам, по собственной фантазии «творить» историю и изменять направления общественного развития. Но сроки и конкретные формы осуществления объективной исторической тенденции всецело определяются деятельностью людей и теми бесчисленными эмпирическими условиями, которые создаются этой деятельностью. Люди не могут уничтожать, преобразовывать или создавать объективные законы, но они могут активно влиять на условия, с существованием которых связано действие этих законов, и таким путем добиваться изменения сферы действия или характера действия тех или иных законов.

Следовательно, положение о том, что люди сами творят свою историю, и положение о том, что развитие общества происходит на основе объективных законов, существование которых не зависит от воли людей, — оба эти положения не только не противоречат друг другу, но, напротив, могут быть поняты только в их единстве. Без знания объективных законов развития общества невозможно понять историческое творчество людей как единый, закономерный процесс. А без понимания роли исторического творчества людей невозможно понять ни содержание, ни механизм действия объективных экономических законов. Следовательно, законы общественного развития являются, по сути дела, законами общественной деятельности людей. Деятельность людей может быть понята лишь на основе этих законов, а самые законы — лишь в связи с живой, конкретной историей. Отсюда ясно, насколько вздорны утверждения буржуазных социологов, будто марксизм отрывает результаты человеческой деятельности от самих людей.

Работа И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» привлекла внимание научной общественности к важной теоретической проблеме использования людьми экономических законов в интересах общества.

Отмечая, что общество не бессильно перед лицом законов, что оно может, познав эти законы, использовать их в своих интересах, ограничить сферу действия одних законов и создать благоприятные условия для действия других законов, марксизм подчеркивает, что решающую роль в истории играют широкие народные массы, непосредственные производители материальных благ. Народ является единственным творцом материального производства, народ создает величайшие культурные ценности, народ осуществляет великие социальные революции, обеспечивающие переход от одной социально-экономической формации к другой. Чем шире и свободнее историческое творчество народа, тем быстрее темпы исторического развития, исторического прогресса. Маркс и Энгельс еще в «Святом семействе» сформулировали чрезвычайно важный исторический закон, согласно которому вместе с основательностью исторического действия возрастает и объем массы, делом которой оно является. Это значит, что чем дальше развивается человеческое общество, тем выше становится творческая, преобразующая роль народных масс, достигающая особенного расцвета в период социализма, когда народ, освобожденный от эксплуатации, становится подлинным хозяином своего общественного бытия.

Человечество использует объективные экономические законы на всех этапах своего развития. Однако пределы, характер и формы этого использования различны в разных исторических условиях. Поскольку эксплуататорским классовым формациям присущ классовый антагонизм, для выяснения проблемы использования объективных законов общественного развития в этих формациях исключительно важен вопрос о клас-

совой подоплеке использования экономических законов, о связи между ними и классовой борьбой. При этом вся проблема, естественно, распадается на два тесно связанных между собой вопроса: 1) как объективные экономические законы проявляются в деятельности людей и какое значение имеет классовая борьба (независимо от уровня ее сознательности) для реализации тех или иных экономических тенденций; 2) как и в какой степени люди могут в условиях антагонистических формаций сознательно использовать объективные экономические законы в своих классовых интересах и в интересах всего общества.

Итак, объективные законы истории проявляются в деятельности людей. Творцами истории являются сами люди. Но в условиях антагонистических формаций общество разделено на классы, интересы которых непримиримо противоположны. Как же здесь используются законы общественного развития: ведь то, что выгодно одному классу, будет невыгодно другому? Чтобы ответить на этот вопрос, следует прежде всего учесть, что законы общественного развития чрезвычайно многосторонни и находятся в сложной взаимозависимости друг с другом. Они отражают существенные внутренние связи между объективными условиями. Но условия общественного развития весьма многообразны. В каждом обществе тесно переплетаются и в то же время борются между собой старое и новое, отживающее и нарождающееся. Маркс неоднократно подчеркивал, что историю общества нельзя представлять себе в каких-то мистических тонах, в духе всеобщего предопределения. Он указывал, что абсолютно необходимой является лишь общая тенденция исторического развития, законы развития и смены социально-экономических формаций, но осуществляются они в бесконечно многообразных эмпирических обстоятельствах. Все экономические законы действуют не фатально и не в чистом виде, а в виде господствующих тенденций, определяющих направление развития.

Каждая формация представляет собой единое целое, характеризующееся определенными объективными условиями, определенным единством производительных сил и производственных отношений. Единство и взаимосвязь всех экономических процессов, присущих данной формации, отражены в основном экономическом законе, определяющем главные черты этой формации. Как цель производства, так и требования основного экономического закона той или иной формации носят объективный характер и не зависят от воли классов данного общества. Напротив, сами эти классы являются продуктом данных экономических условий. Однако действие основного экономического закона всегда противоречиво; требования его реализуются не механически, а в сложном взаимодействии с другими экономическими законами, в борьбе противоречивых (а в антагонистических формациях и противоположных) экономических тенденций.

Возьмем вопрос о пропорциональном развитии различных отраслей народного хозяйства и анархии производства при капитализме. Известно, что никакое производство не может существовать без известного относительного равновесия между различными его отраслями. Присущая всякому производству тенденция к равновесию находит свое отражение, в частности, в марксовых схемах расширенного воспроизводства, вскрывающих силу объективного экономического закона для всякого расширенного воспроизводства. Однако в условиях капитализма этой тенденции к пропорциональности противостоят закон анархии производства, обусловленный существованием частной собственности на средства производства. Эти две тенденции прямо противоположны. Закон анархии производства исключает возможность планомерного, систематического, бесперебойного развития производства. И все же он не может уничтожить объективной тенденции к известной пропорциональности производства. Наоборот, перелив капиталов из одной отрасли производства в другую стихийно выравнивает капиталистическое производство именно в условиях действия закона анархии производства и конкуренции. Таким образом, как указывал Маркс, при капитализме «пропорциональное производство является всегда лишь результатом непропорционального производства на основе конкуренции»³.

³ Карл Маркс. Теории прибавочной стоимости. Т. II. Ч. 2. Партиздат. 1936, стр. 197.

В условиях социализма, с присущей ему общественной собственностью на средства производства, закон анархии производства и конкуренции утрачивает свою силу, и появляется новый закон — планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Иначе говоря, тенденция к пропорциональности, которая была всегда присуща общественному производству, но не могла последовательно реализоваться в силу противодействующих тенденций, теперь, при социализме, приобретает силу нерушимого экономического закона.

Другой пример — две тенденции в национальном вопросе. Ленин указывал, что развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе, причем обе они носят характер мирового закона капитализма. Первая — это тенденция к политическому освобождению от национального гнета и к образованию самостоятельных национальных государств, вторая — это тенденция к хозяйственному и культурному сближению народов, к ломке национальных перегородок. Первая тенденция находит свое выражение в национально-освободительной борьбе народов колониальных и зависимых стран. Вторая тенденция осуществляется в первую очередь через колониальную политику буржуазии господствующих наций, путем насильственного объединения народов на основе поражения одних народов другими. Для империализма эти две тенденции являются непримиримыми, и их борьба расшатывает устои империализма. В условиях социализма, наоборот, в результате ликвидации национального гнета и возникновения новых, социалистических наций развитие хозяйственных и культурных связей между народами, осуществляемое в порядке добровольного сотрудничества, полностью соответствует их национальным интересам.

Поскольку каждая социально-экономическая формация характеризуется своим особым типом производственных отношений и своей особой классовой структурой, было бы серьезной методологической ошибкой рассматривать рабовладельческий или феодальный строй по аналогии с капиталистическим. К сожалению, именно на этот путь становятся некоторые экономисты и историки, когда они пытаются сформулировать основной экономический закон феодальной или рабовладельческой формации по образцу основного экономического закона современного капитализма. Эта ошибка особенно резко выступает в статье Д. К. Трифонова «К вопросу об основных экономических законах докапиталистических формаций», опубликованной в 1953 году⁴. Д. К. Трифонов определяет основной экономический закон рабовладельческого способа производства как «обеспечение прибавочного продукта в размерах, удовлетворяющих паразитические потребности класса рабовладельцев, путем порабощения прежде всего иноплеменных народов, превращения непосредственных производителей-рабов в полную собственность рабовладельцев, усиления их эксплуатации на базе низкой техники»⁵.

При таком понимании основного экономического закона остается совершенно неясным, как могли тогда развиваться производительные силы, если объективная цель производства заключалась лишь в удовлетворении непроизводительных, паразитических потребностей. Формула Д. К. Трифонова совершенно не учитывает, что не все рабовладельцы и не на всем протяжении истории рабовладельческой формации вели паразитический образ жизни, что и в Греции и в Риме существовало хозяйство свободных крестьян и ремесленников, которые, конечно, использовали рабов в качестве подсобной силы, но и сами работали, и что прежде всего в таком хозяйстве (появляющемся лишь в период упадка рабовладельческой формации) развивались производительные силы. Недаром и кризис рабовладельческой формации органически связан с разорением свободного крестьянства и ремесла. Очевидно, формула Д. К. Трифонова, рассматривающая господствующий класс как паразита, если она вообще правильна, может быть применена только к периоду упадка, кризиса рабовладельческого строя, но никак не может служить объяснением всего развития данной формации.

Не лучше обстоит дело и с основным экономическим законом феодализма, основные черты и требования которого Д. К. Трифонов формулирует как «обеспечение прибавочного продукта в форме феодальной земельной ренты в размерах, удовлетворяющих непроизводительные потребности класса феодалов и его многочисленной челяди, путем закрепощения непосредственных производителей, наделения их средствами про-

⁴ Д. К. Трифонов. К вопросу об основных экономических законах докапиталистических формаций. «Вестник ЛГУ». 1953, № 3

⁵ Там же, стр. 38—39.

изводства и усиления эксплуатации в форме барщины и оброка на базе рутинной техники»⁶. Во-первых, и здесь односторонне подчеркивается непроизводительное потребление класса феодалов, тогда как Энгельс говорит о феодальном производстве как производстве «с целью непосредственного потребления продуктов самим ли производителем или его феодальным господином»⁷. Во-вторых, если весь прибавочный продукт потребляется феодалом и эта феодальная эксплуатация к тому же все время усиливается, откуда возьмется в крестьянском хозяйстве тот избыточный продукт, без которого невозможно дальнейшее развитие производительных сил, подготавливающее переход к капитализму? Ведь без этого развитие общества заходит в тупик. Наконец, в-третьих, главным средством обеспечения цели производства у Д. К. Трифонова оказывается, по сути дела, внеэкономическое принуждение, все сводится к крепостной зависимости крестьян. А в действительности решающую роль при феодализме играла феодальная собственность на землю.

Приведенные возражения в значительной степени относятся и к концепции Б. Ф. Поршнева. По его мнению, «в законе феодальной ренты, как в едином фокусе, отражены все производственные отношения феодализма»⁸. Однако это не совсем так. Накопление у непосредственного производителя избыточного продукта, благодаря которому происходит все дальнейшее развитие производительных сил, никак не объясняется законом феодальной ренты. Нельзя согласиться и с утверждением Б. Ф. Поршнева о возрастании феодальной ренты и усилении эксплуатации крестьянства. Если бы рента все время возрастала, а эксплуатация усиливалась, то накопление в крестьянском хозяйстве было бы невозможно; тогда крестьянин потерял бы всякую заинтересованность в своем труде, и весь феодализм повис бы на одном внеэкономическом принуждении. Смену форм феодальной ренты было бы логичнее связывать не с усилением эксплуатации, а с ростом производительных сил и развитием товарного производства. Кроме того факты показывают, что господствующей тенденцией в развитии феодализма является развитие и укрепление именно крестьянского хозяйства, тогда как феодальное поместье постепенно хиреет и гибнет, так что к концу феодализма господствующий класс слабеет и разоряется. А если судить по схеме Б. Ф. Поршнева, все должно бы быть наоборот⁹.

Очевидно, нельзя упрощать сложность общественного развития: необходимо рассматривать этот процесс во всей его многогранности и противоречивости, связывая борьбу различных экономических тенденций с классовой борьбой.

Пытаясь замазать, затуманить классовую борьбу, идущую в капиталистическом обществе, буржуазная социология старается подорвать марксистское понятие общественного класса. Понятие «класс», утверждает американский социолог О'Бойл, является очень неясным; класс не представляет никакого единства, он распадается на более мелкие группы¹⁰. Классовое неравенство, вторит ему француз Шэ-Рюи, коренится «не в экономических условиях и не в определенной системе производства, но в системе верований и предрассудков»¹¹. Широко распространенная в США так называемая «социальная психология» пытается подменить понятие «класс» понятием «социальная группа», понимаемая как некая «психическая общность» людей. Сколько людей входит в эту группу и что их объединяет — занятие политикой или игра в покер — объявляется совершенно несущественным. Тот же самый смысл имеет и выдвижение в качестве основной исторической категории понятия «поколение» (О. Лоренц, Д. Мантре, Ортега-и-Гассет, И. Ренуар и др.). Изображая историю как сотрудничество и борьбу разных возрастных поколений, буржуазная социология стремится замазать, скрыть решающий факт классовой борьбы.

В противоположность этим буржуазным теориям марксизм подчеркивает, что открытие и применение экономических законов всегда имеет классовую подоплеку и

⁶ Там же, стр. 42—43.

⁷ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат. 1950, стр. 267.

⁸ «Вопросы истории», 1953, № 6, стр. 57.

⁹ Весьма убедительная критика точки зрения Б. Ф. Поршнева содержится в статье М. Н. Меймана и С. Д. Сказкина «Об основном экономическом законе феодальной формации» («Вопросы истории», 1954, № 2).

¹⁰ L. O'Boyle. The class concept in history. «The Journal of modern history». Vol. XXIV, № 4, December 1952, p. 391—397.

¹¹ J. Chaiх-Ruy. Les classes sociales et l'origine d'inégalité. «Cahiers internationaux de sociologie». Vol. XIV, 1953, p. 94.

реализуется лишь в процессе классовой борьбы. Экономические условия каждого данного общества отражаются в общественном сознании прежде всего в форме интересов людей, интересов, которые в антагонистических формациях неминуемо принимают классовый характер. Одни и те же экономические процессы, преломляясь в сознании людей, порождают совершенно различные интересы, в зависимости от того, какое место занимает данный класс в процессе производства, каково его отношение к орудиям и средствам производства. В силу этого различные классы способны по-разному воспринимать и использовать одни и те же законы. Различные классы представляют и различные экономические тенденции, и какая из этих тенденций победит, решает классовая борьба. В конечном счете обязательно побеждает прогрессивная тенденция и выражающий ее передовой, восходящий класс.

Раскрывая законы капиталистического производства, Маркс показывает, какая упорная борьба идет между буржуазией и рабочим классом вокруг использования объективных экономических законов капитализма. Оппортунист Лассаль пытается изобразить закон заработной платы как некий «железный закон», не допускающий никаких изменений, но Маркс доказал, что никакого «железного закона» не существует, что хотя уровень заработной платы определяется стоимостью рабочей силы, но капиталисты, используя наличие резервной армии труда, стремятся к всемерному ее понижению, а организованный рабочий класс своей борьбой задерживает тенденцию к снижению заработной платы.

То же можно видеть на примере борьбы за рабочий день. Продолжительность рабочего дня имеет свою объективную максимальную границу, которая определяется, во-первых, физическим пределом рабочей силы, необходимостью отдыха, восстановления рабочей силы; во-вторых, социальными пределами: рабочему необходимо время для удовлетворения интеллектуальных и социальных потребностей, объем и количество которых определяются общим состоянием культуры. Однако на практике эта объективная граница устанавливается не сама собой, а лишь в результате упорной классовой борьбы между рабочими и буржуазией. В погоне за прибылью капитал стремится к максимальному удлинению рабочего дня, не заботясь о том, как это скажется на здоровье рабочего. Это в корне подрывает жизненную силу народа, и, если бы тенденции капитала к безграничному расширению рабочего дня ничто не противостояло, это в короткий срок привело бы к полному вырождению человечества. Там, где это ему выгодно, капитализм не брезгает и докапиталистическими формами эксплуатации, вплоть до рабства и крепостничества, как о том свидетельствует пример плантационного хозяйства в современных США¹².

Но в противоположность капиталисту рабочий жизненно заинтересован в ограничении рабочего дня. Отдельный рабочий не в состоянии оказать сопротивление натиску капитала. Поэтому борьба за продолжительность рабочего дня выступает как классовая борьба между рабочими и буржуазией. Обобщая историю английского фабричного законодательства, Маркс пишет, что «установление нормального рабочего дня является продуктом продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом»¹³. Посредством классовой борьбы рабочий класс добивается законодательного ограничения рабочего дня. Однако на этом борьба не заканчивается, ибо буржуазия, особенно в эпоху империализма, продолжает наступление на рабочих и даже вопреки законодательству вынуждает трудящихся работать дольше и интенсивнее.

Следовательно, уровень заработной платы и продолжительность рабочего дня при капитализме определяются в конечном итоге объективными экономическими законами, существование которых не зависит ни от воли рабочего, ни от воли капиталиста, законами, которые обеспечивают капиталисту прибавочную стоимость. Но как действуют эти законы в каждом конкретном случае, какова будет конкретная норма эксплуатации, зависит прежде всего от соотношения классовых сил и от степени развития классовой борьбы пролетариата.

¹² См. Гарри Хейвуд. Освобождение негров. М. Издательство иностранной литературы. 1950. Кумар Гош ал. Народ в колониях. М. Издательство иностранной литературы. 1949.

¹³ К. Маркс. Капитал. Т. I. Госполитиздат. 1949, стр. 304.

Борьбу между рабочим классом и буржуазией вокруг использования объективных экономических законов можно проиллюстрировать и другим примером: борьбой вокруг закона относительного перенаселения. Известно, что по мере роста производительности труда при капитализме растет и резервная армия безработных: это объективный экономический закон. Господствующий класс использует этот закон в своих интересах: наличие резервной армии безработных позволяет капиталисту еще больше поработить рабочего, еще больше снизить заработную плату. Но и рабочий класс под влиянием действия этого закона начинает понимать, что чем больше он работает и чем выше производительность труда, тем сильнее эксплуатация, тем более непрочно положение каждого рабочего, который в любую минуту может оказаться на улице. Сначала рабочие пытаются ограничить сферу действия этого закона средствами пассивной борьбы (например, эмиграцией). Однако это не помогает. Рабочие «ввиду этого стараются посредством тред-юнионов и т. д. организовать планомерное взаимодействие между занятыми и незанятыми, чтобы уничтожить или смягчить разрушительные для их класса следствия этого естественного закона капиталистического производства»¹⁴. Тогда буржуазия начинает кричать о нарушении «свободы договора» и применяет против рабочих организаний репрессивные меры (достаточно вспомнить американский закон Тафта — Хартли).

Следовательно, в антагонистических формациях вокруг использования экономических законов разворачивается ожесточенная классовая борьба. Ее направление и характер определяются объективными экономическими законами. А классовая борьба, в свою очередь, обуславливает победу той или иной тенденции. Отсюда понятно, насколько ошибочны и чужды марксизму как построения «экономического материализма» (отрицающие роль классовой борьбы в развитии общества и изображающие историю как плавное саморазвитие экономических процессов без участия людей), так и субъективно-идеалистический отрыв классовой борьбы от ее экономической основы. Однако то, что все действия людей так или иначе опираются на определенные объективные законы, вовсе не означает, что все классы способны использовать экономические законы одинаково и в равной степени.

Решающую роль в развитии каждой данной формации играют ее специфические законы во главе с основным экономическим законом. Ясно, что наиболее полно использовать эти специфические законы может только тот класс, который является господствующим в данной формации, который, по выражению Ленина, «заведует» данным экономическим порядком. Класс, владеющий орудиями и средствами производства, располагающий могущественной надстройкой, имеет, конечно, неизмеримо больше возможностей реализовать свои интересы, нежели эксплуатируемый класс. Объективная цель производства, выраженная в основном экономическом законе данной формации, является (разумеется, в бесчисленных модификациях) вместе с тем и субъективной целью членов данного господствующего класса. Если целью капиталистического производства, выраженной в основном экономическом законе современного капитализма, является обеспечение максимальной капиталистической прибыли, то это есть вместе с тем и субъективная цель класса капиталистов. Следовательно, основной экономической закон капитализма полностью отвечает интересам господствующего класса, который, даже не сознавая этого закона, опирается на него и из него исходит¹⁵.

Господствующий класс может, опираясь на свою политическую власть, не только использовать в своих интересах объективные законы своей формации, но и до известной степени нейтрализовать некоторые опасные для него тенденции. Так, например, в условиях капитализма действует открытый Марксом закон, в силу которого по мере развития капитализма происходит понижение общей нормы прибыли. Однако действие закона тенденции средней нормы прибыли к понижению невыгодно буржуазии. Поэтому она всемерно использует другие объективные экономические тенденции, которые ослабляют действие этого закона (повышение степени эксплуатации труда путем удлинения рабочего дня, интенсификации труда, эксплуатации женского и детского труда и т. д.;

¹⁴ Там же, стр. 646.

¹⁵ Следует в то же время решительно подчеркнуть, что не субъективные цели капиталистов отражаются в основном экономическом законе, а, наоборот, объективная цель капиталистического производства определяет субъективные стремления членов господствующего класса. Если бы какой-либо капиталист вздумал отказаться от погони за максимальной прибылью, он неминуемо обанкротился бы.

понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы; удешевление элементов постоянного капитала; относительное перенаселение, которое дает возможность снижать заработную плату; внешняя торговля, особенно колониальная, которая дает более высокую норму прибыли, и т. д.). В эпоху империализма создание гигантских монополий делает неизбежным стремление капитала уже не к средней, а к максимальной прибыли, и действие закона тенденции понижения средней нормы прибыли еще более парализуется. Здесь применимо положение Маркса: «И таким образом в общем оказывается, что теми самыми причинами, которые ведут к понижению общей нормы прибыли, вызываются противодействия, которые тормозят это понижение, замедляют его и отчасти парализуют. Они не уничтожают закона, но ослабляют его действие»¹⁶.

Следовательно, любой господствующий класс имеет более или менее широкие возможности для использования объективных экономических законов. Но к этому вопросу нужно подходить исторически.

Развитие общества определяется не только специфическими законами, присущими отдельным формациям, но и общесоциологическими законами, которые отражают объективную связь, существующую между различными формациями, и единство всей истории человечества. Все специфические законы формаций действуют лишь на основе этих всеобщих законов. До тех пор, пока данная система производственных отношений более или менее отвечает характеру производительных сил, пока требования закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил выполняются, господствующий класс может использовать этот закон в своих интересах. Как скоро соответствие нарушается, назревает необходимость замены старых производственных отношений новыми. Господствующий класс не заинтересован, однако, в упразднении старых производственных отношений, на которых зиждется его классовое господство. Чувствуя непрочность своего положения, господствующий класс пытается примениться к новым условиям. Но, кровно заинтересованный в сохранении старого строя, господствующий класс принимает новое лишь частично, крайне непоследовательно. Поэтому его попытки приспособиться к новым условиям, как правило, постигает неудача. Это подтверждается рядом примеров.

Когда начался кризис рабовладельческой формации в древнем Риме, господствующий класс пытался выйти из кризиса, приспособившись к новым условиям. В частности, в связи с сокращением числа рабов римские императоры, стремясь увеличить продолжительность жизни рабов и ослабить их сопротивление угнетателям, издали ряд законов, как бы направленных в их защиту: Адриан запретил убийство рабов, Антонин Пий издал распоряжение, по которому тот, кто без причины убьет своего раба, несет такую же ответственность, как за убийство чужого раба. Однако эти законы не вносили существенных изменений в положение рабов и не меняли характера самой формации. Значительно серьезнее была такая попытка найти экономический выход из кризиса, как создание колоната. Труд рабов становился экономически малопродуктивным и не допускал никаких технических усовершенствований. Поэтому рабовладельцы попытались перейти к более прогрессивной форме производства — колонату. Колон, оставаясь зависимым от своего господина, обязан был на него работать, выплачивать ему ренту. Но в отличие от раба колон уже имел свое хозяйство и семью, он был более заинтересован в результатах своего труда, нежели раб, так как при известных условиях мог несколько увеличить долю продукта, достававшегося ему и его семье. Мелкое хозяйство колона гораздо более соответствовало тогдашнему уровню производительных сил, нежели обширные латифундии, основанные на рабском труде. Колонат поэтому представлял собой зачаток нового, феодального способа производства, выросшего в недрах рабовладельческого строя.

Однако рабовладельцы не могли выйти из кризиса с помощью колоната; его экономический эффект был парализован другими тенденциями, свойственными рабовладельческому способу производства. Во-первых, переход к новой форме общественного хозяйства требовал от господствующего класса новых качеств, которых не имели рабовладельцы. Энгельс писал, что «умирающее рабство оставило свое ядовитое жало в презрении свободных к производительному труду. То был безвыходный тупик, в который попал римский мир: рабство сделалось экономически невозможным, труд свободных морально презирался. Первое уже не могло, второй еще не мог сделаться основой

¹⁶ К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 248.

формой общественного производства»¹⁷. Во-вторых, все преимущества, полученные колоннами, сводились на нет непосильным налоговым бременем, которое накладывало на них государство. Класс рабовладельцев не мог сократить расходы на содержание своего разросшегося государственного аппарата, нуждаясь в таком разбухшем аппарате для того, чтобы держать в повиновении массы рабов, а также преодолевать растущие центробежные тенденции обширной державы, лишенной прочного экономического единства. Но этот налоговый пресс приводил к всеобщему разорению города и деревни; колоны наряду с другими слоями населения сокращали свое хозяйство или разбегались. Попытки же затормозить этот процесс посредством закрепощения колонов снова низводили последних до положения рабов. Выход был только в коренной революции, которая ликвидировала бы рабовладельческий способ производства. Но такой переворот противоречил жизненным интересам господствующего класса, и поэтому последний яростно сопротивлялся ему.

В этой связи нельзя не отметить характерной ошибки Е. М. Штаерман и А. П. Каждана в их статьях, опубликованных в «Вестнике древней истории» за 1953 год. Е. М. Штаерман справедливо говорит, что классовая борьба рабов «являлась одной из важнейших движущих сил при переходе от эксплуатации рабов к эксплуатации колонов»¹⁸. Однако она глубоко заблуждается, утверждая, что рабовладельческая собственность «потерпела окончательное поражение» еще в рамках Римской империи. Корень этой ошибки, как правильно указывает в своей статье А. П. Каждан, заключается в том, что Е. М. Штаерман отождествляет рабовладельческие производственные отношения с гораздо более узким понятием полисной собственности. Но если встать на ту точку зрения, что противоречие между производительными силами и производственными отношениями было устранено еще в условиях империи, то остаются совершенно непонятными причины ее падения. А. П. Каждан весьма убедительно критикует эту ошибку Е. М. Штаерман, но тут же, вступая в противоречие с самим собою, впадает в аналогичное заблуждение, отождествляя колонатные отношения поздней империи с независимым крестьянским хозяйством. По мнению А. П. Каждана, колонат представлял собой уже «мелкое независимое производство», «единоличную собственность непосредственного производителя на свое хозяйство»¹⁹. На самом же деле существовала лишь тенденция к превращению колона в независимого мелкого производителя, но эта тенденция не могла реализоваться в условиях Римской империи в силу указанных выше причин. Только коренное разрушение рабовладельческого строя могло открыть дорогу новым, феодальным отношениям, могло привести производственные отношения в соответствие с характером производительных сил. Недаром Энгельс подчеркивал, что между римским колоном и средневековым крепостным стоял свободный франкский крестьянин.

Возьмем другой пример. Современная империалистическая буржуазия пытается предотвратить гибель капиталистической формации. Ее пугают, в частности, систематические кризисы перепроизводства. Поэтому многие буржуазные правительства пытались и пытаются ограничить сферу действия закона анархии производства, подчинить капиталистическое хозяйство государственному плану. Наиболее значительным экспериментом в этом отношении были известные реформы президента Франклина Рузвельта в США — «новый курс» (new deal). Но еще Маркс в «Капитале» отмечал, что контроль над производством «совершенно несовместим с законами капиталистического производства и потому всегда остается платоническим благопожеланием или ограничивается имеющими характер исключения совместными действиями капиталистов в моменты большой непосредственной опасности и беспомощности»²⁰. Именно последнее характерно для рузвельтовского «нового курса», который был продиктован попыткой американской буржуазии разделиться с кризисом, не меняя частнокапиталистической базы. Как только капиталистическая экономика начала оправляться от кризиса 1929—1932 гг., все меры, принятые Рузвельтом, были отменены. На современном этапе американская буржуазия пытается устранить угрозу экономического кризиса путем

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II. М. Госполитиздат. 1952, стр. 285.

¹⁸ «Вестник древней истории», 1953, № 2, стр. 60.

¹⁹ Там же, № 3, стр. 97, 98.

²⁰ К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 126.

милитаризации экономики, посредством гонки вооружений. Однако такая политика дает экономике уродливое, однобокое развитие, приводит к сокращению гражданского производства и снижению покупательной способности трудящихся и их жизненного уровня, а следовательно, не только не устраняет угрозу кризиса, но делает его более тяжелым и затяжным. Действительно, несмотря на проводимую в США бешеную гонку вооружений, мы наблюдаем там явные признаки неумолимо надвигающегося экономического кризиса.

Следовательно, когда данный способ производства уже исчерпал свои возможности, когда производственные отношения перестали соответствовать характеру ушедших вперед производительных сил, экономические законы начинают разрушать данную формацию, и господствующий класс не может этого изменить. Но чем острее и глубже конфликт, тем упорнее сопротивляется господствующий класс, используя для защиты своих классовых интересов всю свою могущественную надстройку. Поэтому смена одной формации другой не может произойти мирным путем, чисто эволюционно. Необходима общественная сила, способная революционным путем, в результате классовой борьбы, преодолеть сопротивление отживающих классов и открыть тем самым дорогу закону обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Такой общественной силой может быть только передовой общественный класс.

Передовой, революционный класс, зарождающийся в недрах старого общества, не может широко использовать в своих интересах специфические законы данной формации. Хотя он в процессе классовой борьбы может до известной степени смягчить разрушительное для него действие этих законов, однако поставить их себе на службу он не в состоянии, ибо самое действие этих законов исходит из данного классового деления общества и предполагает данный класс именно угнетенным и эксплуатируемым. Так, например, основной экономический закон капитализма в качестве обязательного условия предполагает наличие пролетариата, лишнего средств производства, живущего за счет продажи своей рабочей силы и являющегося объектом капиталистической эксплуатации. И какие бы усилия ни прилагал пролетариат, он не может поставить действие основного экономического закона капитализма себе на службу, не может уничтожить объективную тенденцию абсолютного и относительного обнищания трудящихся, не выходя за пределы капиталистического способа производства.

Рабочий класс может добиться, как уже показано выше, уменьшения рабочего дня, повышения заработной платы и т. п., но он не может без помощи пролетарской революции уничтожить капиталистическую эксплуатацию как таковую. В области политической рабочий класс в союзе с другими демократическими элементами может, как свидетельствует хотя бы опыт Франции 1934 г., преградить дорогу фашизму, но он не может без революции завоевать политическую власть. В области международных отношений движение сторонников мира может путем упорной борьбы отсрочить и даже предотвратить данную войну, но оно не может устранить закон неизбежности войн в эпоху империализма. Когда М. Гус в статье, опубликованной в журнале «Звезда», утверждает, будто мы, не уничтожив империализма, можем «ограничивать и предотвращать действие закона неизбежности войн», «парализовать действие этого закона»²¹, — это есть субъективизм чистейшей воды.

Следовательно, единственный выход для пролетариата — это изменение объективных условий, свойственных капитализму, уничтожение данных производственных отношений, вместе с которыми падают присущие им законы. Аналогичным образом обстоит дело и с другими революционными классами.

Классовая борьба пронизывает всю историю антагонистических формаций. Характер этой борьбы, а также ее результаты в конечном счете определяются объективными экономическими условиями. Известно, что не все угнетенные классы в истории человечества были носителями нового способа производства. Естественно, что перспективы борьбы таких классов, которые не могли создать новые производственные отношения, были ограничены, а результаты борьбы в корне отличались от ее субъективных целей. Так, например, восстания рабов не ставили себе целью (ни объективно, ни субъективно) уничтожения завоевания; субъективно рабы добивались лишь того,

²¹ М. Гус. Генеральная линия советской внешней политики. «Звезда». 1953, № 11, стр. 109.

чтобы им самим вырваться из рабства; объективно же рабские восстания могли лишь смягчить формы эксплуатации, расшатать рабовладельческий строй.

Столь же ограничены были перспективы восстаний крепостных крестьян в период раннего феодализма. Как известно, крестьяне, опираясь на общину, оказывали повсеместно упорное сопротивление своему закрепощению. Поскольку закрепощение выражало объективную тенденцию феодального производства, эта борьба в большинстве стран потерпела поражение. Однако крестьянское сопротивление привело к фиксации повинностей, что не только облегчало положение крестьян, но имело огромное значение для всего развития общества. Фиксированный характер ренты давал крестьянским хозяйствам, находившимся в более благоприятных условиях, возможность накопления известного излишка. Без такого излишка было бы немислимо дальнейшее развитие производительных сил, а следовательно, и развитие товарного производства, и смена форм феодальной ренты, и т. д. Следовательно, даже там, где борьба угнетенного класса не может завершиться победой, она, тем не менее, является могучей движущей силой истории, ибо способствует переходу к более развитым формам эксплуатации, а это, в свою очередь, ускоряет и облегчает смену социально-экономических формаций. Там же, где в силу определенных условий сопротивление угнетенного класса слабее, развитие приобретает более застойный, консервативный, болезненный характер.

Борьба между феодалами и крепостным крестьянством приобрела особенно острый характер в период развитого товарного производства и господства денежной ренты. Не являясь носителем нового способа производства, крестьянство не могло, разумеется, опереться на закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, да и сам феодализм еще не изжил себя в XIV—XV веках. Однако в своей борьбе за ограничение феодальной эксплуатации крестьянство имело возможность опираться на законы простого товарного производства, которое хотя и обслуживало феодализм, не вступая с ним до поры до времени в антагонистические противоречия, но требовало для своего развития наличия свободных товаропроизводителей. Вопрос о роли товарного производства в период феодализма ставится некоторыми нашими исследователями несколько односторонне. Если до появления работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» простое товарное производство часто отождествлялось с производством капиталистическим и изображалось как коренная противоположность феодальному строю, то теперь некоторые историки и экономисты ударились в другую крайность: указывая, что товарное производство обслуживало феодальный базис, они не замечают, что самое это «обслуживание» носило противоречивый характер²².

Между тем очевидно, что развитие торговли и товарного производства требовало свободных, не стесненных в своей деятельности товаровладельцев. Ведь сам закон стоимости, согласно которому стоимость какого-либо товара измеряется содержащимся в нем общественно-необходимым трудом, подчеркивает равенство и равное значение всех видов человеческого труда равной степени сложности. Феодальный строй не мог обеспечить эти условия; нуждаясь в товарном производстве, он в то же время ставил его в узкие, ограниченные рамки; с развитием товарного производства оно неминуемо должно было прийти в столкновение с законами феодализма. И если экономические выразить объективную цель крестьянских восстаний в Западной Европе в XIV—XV вв. или в России в XVII—XVIII вв., то нельзя не признать, что крестьяне боролись за расширение сферы действия простого товарного производства за счет ограничения сферы действия законов феодализма.

Освобождение крестьян от крепостной зависимости означало бы именно превращение их в свободных товаропроизводителей. Там, где товарное производство уже пустило глубокие корни, постепенно подготавливая условия для капитализма, борьба крестьян содействовала их раскрепощению. Так обстояло дело, например, в Англии, где крепостная зависимость фактически исчезла в конце XIV в. и большинство населения уже состояло в то время из свободных крестьян, которые вели самостоятельное хозяйство, хотя их собственность и скрывалась за различными феодальными вывесками. С другой стороны, история дает примеры того, как развитие товарного производства стимулирует феодалов к усилению эксплуатации крестьян. Так обстояло дело, например,

²² Этот недостаток присущ, в частности, статье Ф. Я. Полянского «О товарном производстве в условиях феодализма» («Вопросы истории», 1953, № 1).

в Германии XV—XVI вв., в России XVI—XVIII веков. Крестьянская война в Германии, крестьянское восстание 1514 г. в Венгрии, восстания под руководством И. Болотникова и С. Разина в России были выражением борьбы крестьян против этого наступления феодалов.

Таким образом, объективная цель борьбы крестьян — укрепление их позиций как свободных товаропроизводителей²³. Но простое товарное производство не представляет самостоятельной формации. Поэтому самостоятельная борьба крестьян неизбежно терпела поражение, приводя, в лучшем случае, к смягчению феодальной эксплуатации и облегчая тем самым развитие из простого товарного производства, в течение столетий обслуживавшего феодализм, капиталистического товарного производства.

Когда в недрах феодализма уже созревает новый, капиталистический уклад, крестьянство становится союзником буржуазии и составляет главную боевую армию всех буржуазных революций. Но победа капиталистического способа производства, являющегося высшей формой товарного производства, неминуемо влечет за собой разорение, деградацию самого мелкотоварного крестьянского хозяйства, потому что там, где господствует капиталистическое товарное производство, оно разрушает все формы товарного производства, основой которых служит либо собственный труд производителя либо же просто продавца в виде товара только излишков продукта. Капиталистическое производство проявляется во всем своем объеме только тогда, когда и непосредственный сельский производитель становится наемным рабочим²⁴. Такова жестокая ирония истории: те самые объективные законы, на которые опиралось крестьянство в борьбе с феодализмом и сферу действия которых оно бессознательно стремилось расширить, теперь с абсолютной неизбежностью предвещают его классовую гибель.

Следовательно, тот угнетенный класс, который не является носителем нового способа производства (рабы, крепостные крестьяне), может опираться в своей борьбе лишь на некоторые специфические законы данной формации, и поэтому он либо терпит поражения либо добивается временных частичных успехов. Одержав решительную победу и изменить характер производственных отношений может лишь такой общественный класс, который является носителем нового способа производства. Тогда получается своеобразная картина: господствующий класс, заинтересованный в сохранении существующих условий, опирается на выгодные для него специфические законы своей формации, тогда как новый, революционный класс, стремящийся уничтожить существующие отношения, находит опору в действии общесоциологических законов, которые определяют поступательное развитие истории, и прежде всего — в действии закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Точнее: сам этот закон находит в революционном классе ту силу, которая способна проложить ему дорогу, словив сопротивление отмирающего класса. Путем социальной революции передовой, революционный класс уничтожает старые производственные отношения, а вместе с ними отмирают, сходят со сцены и присущие им законы развития, которые уступают место новым законам, возникающим на базе новых экономических условий. Поскольку переход от старых производственных отношений к новым обеспечивает поступательное развитие общества, в этом революционном преобразовании заинтересован не один какой-либо класс, а все общество (за исключением, разумеется, старого господствующего класса). Поэтому И. В. Сталин и отмечает, что знаменосцем использования экономических законов в интересах общества всегда и везде является передовой класс.

Рассмотрим в связи с этим проблему буржуазной революции. Известно, что отдельные элементы новых, капиталистических отношений зарождаются в недрах феодализма очень рано, еще в XIV—XV веках. В условиях, когда феодализм был еще крепок, буржуазия не могла бороться против феодальных отношений в целом. Борьба шла не против феодальной ренты как таковой, а лишь за ее ограничение. Однако по мере того, как усиливалось и обострялось противоречие между ушедшими вперед производительными силами и отстающими феодальными производственными отношениями, а про-

²³ Оговариваемся, что речь идет здесь именно об объективной цели крестьянской борьбы, о ее объективном результате. Это несколько не отрицает того, что субъективные цели этой борьбы были гораздо шире и что она породила замечательные образцы мужества и героизма.

²⁴ См. К. Маркс. Капитал. Т. II. Госполитиздат. 1949, стр. 32, 113.

стое товарное производство переросло в производство капиталистическое, противоречия между феодализмом и буржуазией приобретали все более острый, антагонистический характер. В конце концов, путем революции буржуазия низвергла феодальные производственные отношения и превратила сложившийся в недрах феодализма капиталистический уклад в господствующую систему производственных отношений, полностью соответствовавших характеру и уровню тогдашних производительных сил.

Такое преобразование было выгодно не только буржуазии, но и широким трудящимся массам. В период буржуазных революций XVII—XVIII вв. буржуазия выступала как выразитель интересов всего общества. Это и придавало буржуазным революциям тот размах, который был необходим для радикального уничтожения феодализма. Степень радикальности той или иной буржуазной революции определяется степенью участия в ней широких народных масс. И если французская буржуазная революция XVIII в. расчистила почву от феодализма лучше, нежели английская революция XVII в., то причина этого в том, что во Франции буржуазия боролась в союзе с народом, что и наложило существенный отпечаток на результаты революции, тогда как в Англии революционное движение масс возглавлял весьма консервативный блок буржуазии и нового дворянства. Однако союз буржуазии с народом неизбежно является непродолжительным. Народные массы, играющие в буржуазной революции столь выдающуюся роль, разрушают старый, феодальный строй. Что же касается нового, капиталистического строя, то его буржуазия оформляет не только без помощи народных масс, но и против них, вопреки их сопротивлению. Итак, объективные законы общественного развития используются всеми классами общества, но используются по-разному и в разной степени. Господствующий класс опирается прежде всего на специфические законы своей формации, которые больше всего соответствуют его классовым интересам; что же касается общесоциологических законов, то их господствующий класс может использовать лишь до тех пор, пока те производственные отношения, носителем которых он является, остаются относительно прогрессивными и соответствуют характеру производительных сил. Но как только требования закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил оказываются нарушенными, он начинает действовать против данного господствующего класса и находит общественную силу, необходимую для реализации своих требований, в лице нового, революционного класса, являющегося носителем новых производственных отношений.

Возникает вопрос: является это использование людьми объективных экономических законов сознательным или же стихийным?

Некоторые экономисты, философы, историки часто смешивали понятия объективного и стихийного, утверждали, что объективные экономические законы всегда носят стихийный характер, что действия их являются неотвратимыми и человеческое общество бессильно перед ними. В работе «Экономические проблемы социализма в СССР» И. В. Сталин показал, что не следует отождествлять объективное и стихийное, что если в одних условиях экономические законы действуют стихийно, с силой слепой необходимости, то в других условиях общество может, познав экономические законы и опираясь на них, ограничить сферу их действия, использовать их в интересах общества и «оседлать» их, причем такого рода сознательное использование объективных экономических законов происходит в той или иной мере не только при социализме и коммунизме, но и при других формациях²⁵.

Во всех досоциалистических формациях процесс развития носит стихийный характер, законы общественного развития действуют как слепая, стихийная сила, люди используют эти законы главным образом бессознательно, лишь в силу естественной необходимости. Преобладание стихийности в развитии всех досоциалистических формаций объясняется в первую очередь тем, что основная область общественной жизни — производство материальных благ — находится там вне контроля со стороны общества. В условиях рабовладельческого и феодального строя самый процесс производства носит не общественный, а индивидуальный характер²⁶. Самый уровень производительных

²⁵ См. И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат. 1952, стр. 6, 49.

²⁶ См. об этом подробнее цитируемую статью М. Н. Меймана и С. Д. Сказкина, стр. 78.

сил, господство мелкого производства исключали тогда возможность общественного контроля над производством. В период капитализма положение меняется. Колоссально развив производительные силы и придав самому процессу производства общественный характер, капитализм создал объективные предпосылки для планового ведения хозяйства, для установления общественного контроля над производством. Однако капиталистическая частная собственность на средства производства, лежащая в основе буржуазных производственных отношений, исключает всякую возможность планирования общественного производства, делает неизбежной анархию производства. Поэтому значение стихийных сил в капиталистическом обществе не только не снижается, а, напротив, возрастает.

Экономические законы развития капиталистического производства действуют как слепая, стихийная сила и влекут за собой тяжелые разрушительные последствия, как видно на примере экономических кризисов, которые капитализм предотвратить не может. Капиталист видит лишь поверхность экономических явлений, искаженную конкуренцией, он не способен распознать за обманчивой внешностью внутреннюю сущность и внутренний строй экономического процесса. Но если бы тот или иной капиталист и познал подлинные законы общественного развития, он все равно не может устранить стихийный характер развития, заложенный в самих законах капитализма. Следовательно, главной причиной того, что экономическое развитие всех антагонистических формаций протекает стихийно, является господство частной собственности на средства производства, что делает неизбежным столкновение человеческих интересов, порождает ожесточенную классовую борьбу.

Но по мере развития противоречий данной общественной формации познание объективных законов общественного развития становится все более опасным для господствующего класса, потому что вскрывает внутренние противоречия существующего способа производства, показывает его историческую ограниченность, предсказывает его неизбежную гибель. «Следовательно, тут уже безусловный интерес господствующих классов требует увековечения бессмысленной путаницы»²⁷. Отсюда вытекает товарный фетишизм буржуазного мировоззрения. Этим объясняется антинаучный субъективизм современной буржуазной социологии и историографии.

Однако несмотря на то, что основные социально-экономические процессы в до социалистических формациях протекают стихийно, сознательная деятельность людей, классов и партий и в этих формациях играет значительную роль. Как указывал Энгельс, «из того обстоятельства, что воли отдельных людей, которые хотят каждый того, к чему их влечет их физическая конституция и внешние, в конечном счете экономические, обстоятельства (или свои собственные, личные или общесоциальные), что эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую, — из этого не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в нее»²⁸. Стихийное развитие новых производительных сил и складывание новых производственных отношений продолжается лишь до определенного момента. Когда новые производительные силы созрели, старый господствующий класс уже не только инстинктивно, но и вполне сознательно тормозит их дальнейшее развитие. И только сознательная революционная деятельность новых общественных классов способна устранить старые производственные отношения и открыть простор закону обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Проблема сознательного использования людьми объективных экономических законов совпадает, таким образом, с проблемой активной, творческой роли надстройки. Всякая надстройка порождается определенным базисом и изменяется вместе с ним. Однако ни один базис не может оформиться и укрепиться без активной, действительной помощи своей надстройки. Известно, что рабовладельческий способ производства возникает из разложения первобытно-общинного строя стихийно, независимо от воли людей. Однако для того, чтобы этот новый строй окончательно восторжествовал, а родовой строй полностью сменился государством, потребовались такие значительные события надстроечного порядка, как реформа Солона в Афинах или реформа Сербия

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные сочинения. М.: Госполитиздат. 1947, стр. 209.

²⁸ Там же, стр. 423—424.

Туллия в Риме, положившие конец древнему родовому строю в этих странах. Создание феодальной земельной собственности во Франкском королевстве было подготовлено разложением сельской общины и постепенным закрепощением крестьянства. Но и здесь решительный шаг был сделан государственной властью. Энгельс указывал, что бенефициальная реформа Карла Мартелла призвала настоящий переворот в поземельных отношениях и способствовала дальнейшему укреплению и развитию феодальных отношений. Окончательное закрепощение крестьян в России также было осуществлено государственной властью. Из этого, разумеется, не вытекает, что феодальная надстройка предшествует своему базису, как утверждал С. В. Юшков.

Это относится и к установлению капитализма. Как известно, в недрах феодализма зарождаются не только новые производительные силы, но и новые производственные отношения. На этом основании Зомбарт, например, заявлял, что политические революции XVII—XVIII вв. были совершенно излишними, так как развитие капитализма не зависело от них. Но сам же Зомбарт признает, что только государственная власть могла уничтожить крепостное право, барщину, оброк и т. п., ликвидировать полностью общинные земли, отменить старые дворянские привилегии, упразднить цеховой строй, всевозможные монополии и привилегии, аннулировать внутренние таможенные пошлины и ввести единый тариф и единую денежную систему, обезопасить торговлю и осуществить другие подобные меры, без которых невозможно было свободное развитие капитализма. Для того чтобы завершить превращение капитализма из уклада, существовавшего в недрах феодального строя, в господствующий способ производства, буржуазия должна была прежде всего овладеть политической властью, стать из класса подчиненного классом господствующим. А это она могла сделать только путем политической революции.

Но политическая революция может быть совершена лишь сознательно, во имя определенных требований. Отсюда роль и значение общественного сознания. Марксизм-ленинизм не только не отрицает, но, наоборот, подчеркивает значительную роль общественных идей в развитии общества. Если старые, реакционные идеи и соответствующие им учреждения, составляющие в своей совокупности надстройку общества, играют реакционную роль, тормозят общественное развитие, то новые, революционные идеи играют важнейшую прогрессивную роль, мобилизуя и организуя массы вокруг передового класса во имя революционного преобразования существующих отношений. Без передовых общественных идей и соответствующих им учреждений невозможно удовлетворение назревших потребностей материальной жизни общества. Роль и значение передовых общественных идей состоит в том, что они более или менее точно отражают требования объективных законов общественного развития и мобилизуют людей на изменение общественных условий в соответствии с этими объективными требованиями. И чем точнее будет это отражение, тем значительнее роль данной системы взглядов.

Разумеется, ни один эксплуататорский класс не мог полностью познать объективные законы общественного развития, и прежде всего закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Этот закон был открыт впервые Марксом. Тем не менее люди использовали его уже в течение многих столетий, причем не совсем бессознательно. Дело в том, что люди в своей практике используют многие законы природы и общества, не зная их сущности, но видя их внешние проявления. Так, например, люди стали пользоваться огнем гораздо раньше, чем были открыты законы горения. Точно так же обстоит дело и с экономическими законами. Люди могут и не знать самого объективного закона, но они всегда хорошо знают его внешние проявления, с которыми постоянно имеют дело в практике и которые находят отражение в интересах людей. Требования объективного экономического закона отражаются в интересах определенного общественного класса, который и борется за осуществление этих требований, хотя сам он может и не сознавать, чем обусловлены его классовые интересы.

Совершая свои революции, буржуазия и ее идеологи не понимали и не могли понять сущности закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Однако они прекрасно видели внешние проявления этого закона, видели, что выросшие в недрах феодализма новые производительные силы не уместятся в рамках феодальных производственных отношений, и, что самое

главное, были кровно заинтересованы в ломке этих отношений. Требования уничтожения системы откупов и монополий, уменьшения налогов, отмены феодальных повинностей, предоставления свободы торговли и частного предпринимательства, выдвинутые английской буржуазией в канун революции XVII в., выражали ее коренные интересы, отражая вместе с тем объективные требования закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Новая надстройка, созданная буржуазией, помогла капиталистическому базису оформиться и укрепиться. Телько с помощью политической власти буржуазия смогла dokonать феодализм и упрочить капиталистический строй.

Но буржуазия использовала объективный закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил в интересах общества лишь в той мере, в какой интересы общества совпадали с ее собственными классовыми интересами. Это совпадение было далеко не полным и к тому же кратковременным. Уже в ходе самой буржуазной революции буржуазия обращает свою надстройку против пролетариата. Едва лишь установилась в Англии буржуазная республика, как уже в марте 1649 г. в официальной инструкции для судей предписывалось вести беспощадную борьбу против всякого рода «незаконных собраний, стачек и беспорядков», в частности, «если ремесленники, рабочие или слуги сговорятся, какую плату брать, и не работать за меньшую плату»²⁸. Точно так же французская буржуазия уже в самом начале революции с помощью закона Ле Шапелье отняла у рабочих только что завоеванное право ассоциаций.

Пределы сознательного использования экономических законов эксплуататорскими классами неизбежно остаются крайне ограниченными. Роль надстройки в развитии общества всецело определяется тем отношением, которое существует между производительными силами и производственными отношениями. Как известно, надстройка не связана с производительными силами непосредственно, но только через базис, то есть через производственные отношения. Поэтому до тех пор, пока производственные отношения соответствуют характеру производительных сил, надстройка играет прогрессивную роль в развитии общества, действует в соответствии с объективными экономическими законами. Но как только производственные отношения начинают отставать от развития производительных сил, коренным образом изменяется и роль надстройки: надстройка превращается в тормоз для производительных сил. Юридические законы, издаваемые господствующим классом для поддержания своего господства, вступают в непримиримое противоречие с объективными экономическими законами и вносят еще больше сумятицу в стихийно развивающееся общество.

Ярчайшим примером беспомощности реакционного господствующего класса и его надстройки перед лицом стихийно действующих экономических законов является современное капиталистическое общество. Капиталистические производственные отношения давно уже перестали соответствовать выросшим производительным силам и тормозят их дальнейшее развитие. Интересы буржуазии в корне расходятся с интересами большинства общества. Только опираясь на свою политическую надстройку, буржуазия поддерживает свое классовое господство. Но она не может устранить разрушительное действие объективных законов капиталистической формации, которые неуклонно расшатывают капиталистический строй, приближают его неизбежную гибель. Антагонистические противоречия, порождаемые капитализмом, может разрешить только социалистическая революция пролетариата.

Коренное отличие пролетариата от всех других классов, когда-либо совершавших перевороты в производственных отношениях, заключается в том, что классовые интересы пролетариата в основном и главном совпадают с интересами подавляющего большинства общества, и прежде всего с интересами крестьянства. Победа пролетарской революции приводит к уничтожению всякой эксплуатации человека человеком, тогда как революции эксплуататорских классов только заменяли одну форму эксплуатации другой.

Классовая борьба пролетариата, как и борьба всякого другого класса, прошла в своем развитии ряд этапов. Она началась уже на заре капитализма как стихийное,

²⁸ Serjeant T h o r p e. Judge of Assize for the Northern Circuit, his Charge... «Harleian Miscellany». Vol 11, London. 1649, p. 9.

несознательное движение, когда весь гнев рабочих направлялся не против капиталистического строя, а против отдельных хозяев и даже против капиталистической техники. Не понимая законов развития капиталистического общества, рабочие видели источник своих несчастий в новых машинах и старались поэтому, разрушив машины, вернуться к старому, ремесленному состоянию. Эта попытка эксплуатируемого класса опереться на старое, разлагающееся неминуемо должна была потерпеть поражение. Тогда рабочие, стремясь хотя бы несколько ограничить разрушительное для них действие законов капиталистического производства, объединяются в профессиональные союзы и другие общественные организации и начинают бороться за повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и т. п. Однако эта экономическая борьба даст весьма ограниченные результаты; она не уничтожает и не может уничтожить капиталистическую эксплуатацию как таковую. Лишь по мере своего классового созревания, по мере обнажения антагонистических противоречий капитализма рабочий класс начинает подходить к идее социалистической революции, осуществление которой может освободить его от эксплуатации, а с ним вместе и все человечество.

Но для того, чтобы рабочий класс мог сознательно использовать в своих интересах объективные экономические законы, нужно было познать, изучить эти законы. Социальные предпосылки для этого были налично: рабочий класс жизненно заинтересован в правильном познании объективных законов, поскольку его классовые интересы совпадают с объективной тенденцией общественного развития. Но сам рабочий класс, который буржуазия сознательно держит в невежестве, лишает доступа к культуре, знанию, долго блуждал бы в потемках, прежде чем выработал научное мировоззрение. Маркс и Энгельс оказали неоценимую помощь пролетариату, вооружив его научным анализом законов развития общества, разъяснив рабочему классу его собственную историческую роль, к которой он стихийно стремился, но которой до тех пор еще не осознал. С возникновением марксизма создано было наконец то мировоззрение, в котором так нуждался рабочий класс и которое стало путеводной звездой его революционной борьбы.

На базе научной теории марксизма сложились революционные коммунистические партии, которые вносят в рабочее движение социалистическое сознание и ведут его по революционному пути. Глубокое знание законов общественного развития и использование этих законов в интересах общества дали возможность нашей партии успешно руководить социалистической революцией и построением социалистического общества в СССР. Вся история нашей партии есть марксизм-ленинизм в действии. Руководствуясь марксистско-ленинской теорией, Коммунистическая партия выработала правильную политику, отражающую потребности развития материальной жизни общества и коренные интересы народа.

Победа общественной, социалистической собственности на средства производства впервые в истории поставила материальное производство под сознательный контроль со стороны общества. Тем самым элемент стихийности в общественном развитии сводится к минимуму. Объективные экономические законы, отнюдь не утрачивая своей необходимости, действуют теперь уже не как слепая необходимость, но как познанная необходимость. Люди, вооруженные знанием этих законов, впервые стали господами своих собственных отношений. Уничтожение эксплуататорских классов и создание морально-политического единства советского общества привели к тому, что использование объективных экономических законов происходит у нас не путем классовой борьбы, а последовательно и планомерно, в интересах всего общества.

Интересы советского народа едины и неразрывны; они отражают объективные требования основного экономического закона социализма. Поэтому противоречия между производительными силами и производственными отношениями в условиях социалистического общества не перерастают в конфликт, а своевременно разрешаются самим обществом на основе познания объективной необходимости. В связи с этим в огромной степени возрастает активная, творческая, преобразующая роль социалистической надстройки. Советское государство впервые в истории человечества получило возможность сознательно руководить общественным хозяйством в интересах советского народа, исходя из требований экономических законов социализма.